

Иоан. VIII, 44.

Вашъ отецъ діаволь; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Онъ былъ челоуѣкоубійца отъ начала, и не устоялъ въ истинѣ; ибо нѣтъ въ немъ истины. Когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое; ибо онъ лжець и отецъ лжи.

... Егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ: яко ложь есть и отецъ лжи.

... *Ὅταν λαλή τὸ ψεῦδος, ἐκ τῶν ἰδίων λαλεῖ, ὅτι ψεύστης ἐστὶν καὶ ὁ πατὴρ αὐτοῦ.*

Выраженіе „отець лжи“ совершенно безсмысленно и ни-гдѣ болѣе въ Новомъ Завѣтѣ не встрѣчается. Мы знаемъ сочетаніе „отець обрѣзанія“ *πατὴρ περιτομῆς* Рим. IV, 12, но здѣсь обрѣзаніе употреблено вмѣсто обрѣзанныхъ, какъ и передано въ русскомъ переводѣ.

И выраженіе „отець лжи“ имѣло бы смыслъ, если бы было употреблено вмѣсто „отець говорящихъ ложь“. Но въ бесѣдѣ Христа съ іудеями не было рѣчи объ іудеяхъ какъ лжецахъ,—не какъ лжецовъ обличать ихъ Христосъ.

Въ греческомъ текстѣ нѣтъ выраженія „отець лжи“, тамъ стоитъ *πατὴρ αὐτοῦ*, отецъ его или ея. Переводчики отнесли *αὐτοῦ* къ *τὸ ψεῦδος* и поняли *πατὴρ αὐτοῦ* въ смыслѣ „отець ея“, т. е. лжи,—отець лжи. Но это есть толкованіе, а не переводъ, и толкованіе невѣрное.

Выраженіе „отець лжи“ въ русскомъ переводѣ есть сказуемое: онъ лжець и отецъ лжи = онъ есть лжець и есть отецъ лжи. Но въ греческомъ *ψεῦστης* употреблено безъ члена, а *ὁ πατὴρ* съ членомъ и потому эти два слова не могутъ быть одинаковыми частями одного предложенія, именно

двумя сказуемыми. Очевидно *φεῦδος* есть сказуемое, а *ὁ πατήρ* подлежащее.

Въ славянскомъ не необходимо „отецъ (лжи)“ принимать за сказуемое, но можно это слово принимать и за подлежащее: яко ложь есть (сказ.) и отецъ (подл.).

Какъ же нужно перевести и какъ понимать выраженіе?

Αὐτοῦ нужно перевести мѣстоименіемъ „его“ и отнести къ лицу говорящему, — и принять *ὁ πατήρ αὐτοῦ* за подлежащее: онъ (дѣволъ) говоритъ, что и его отецъ (подл.) есть лжець (сказ.). Отецъ дѣвола есть Богъ, ибо Богъ есть Отецъ всего сотвореннаго. Дѣволъ, клевететь на своего Отца и, будучи самъ лжецомъ, говоритъ, что и Отецъ его есть лжець.

Христось обличалъ іудеевъ за то, что „они ищутъ убить Его, человекъ, сказавшаго имъ истину, которую Онъ слышалъ отъ Бога“.

Въ лицѣ Христа предъ іудеями былъ а) человекъ и была б) истина, слышанная отъ Бога, истина Божія (Богъ истиненъ).

Іудеи же человекъ-Христа искали убить и истины Божіей, которую Онъ говорилъ имъ, они не принимали. Они, во-первыхъ, являлись человекѣубійцами, т. е. хотѣли убить человекъ, и, во-вторыхъ, не принимали правды Божіей, т. е. представляли Бога лжецомъ.

И по тому и другому они оказываются дѣтьми дѣвола, который, во-первыхъ, человекѣубійца отъ начала и, во-вторыхъ, противникъ истины, именно Божіей истины. Онъ противникъ Божіей истины, потому что называетъ лжецомъ Отца своего: онъ говоритъ, что лжець и Отецъ его.

Правъ ли дѣволъ, когда называетъ Бога лжецомъ? Конечно, не правъ. Онъ не правъ, т. е. лжець, лжець по преимуществу, сама ложь, — Онъ не правъ, потому что въ этомъ случаѣ онъ говоритъ отъ себя (*ἐκ τῶν ἰδίων λαλεῖ*), т. е. проявляетъ самоправедность, самоутвержденіе.

Выписанныя выше греческія слова потому трудно перевести, что *ὅτι* одинаково относится и къ *λαλῆ τὸ φεῦδος* и къ *ἐκ τῶν ἰδίων λαλεῖ*: Когда онъ говоритъ эту ложь, что лжець и Отецъ его, то онъ отъ себя говоритъ, что лжець и Отецъ его. „Что лжець и Отецъ“ это и есть собственно ложь, настоящая ложь *τὸ φεῦδος*. Поставимъ первое „что лжець и Отецъ его“ въ скобки: Когда онъ говоритъ эту ложь (что

лжець и Отець его), то онъ отъ себя говорить, что лжець и Отець его.

Если поставленное въ скобки выбросить, какъ само собою подразумѣвающееся, тогда получимъ такой окончательный переводъ: Когда онъ (дiаволь) говорить эту ложь, отъ себя говорить онъ: что лжець и Отець его.

М. Таръевъ.
